

ИЛЬЯ БУШМИН

Дорога смерти 3

ИГРА С ОГНЁМ

Илья Бушмин

Дорога смерти – 3. Игра с огнём

«Издательские решения»

Бушмин И.

Дорога смерти – 3. Игра с огнём / И. Бушмин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839003-6

Финальная часть детективной трилогии о противостоянии следователя СК Бегина и банды убийц, нападающей на водителей на трассе М-4 в Подмосковье. Чем глубже Бегин погружается в расследование, тем больше понимает, что имеет дело с настоящим заговором. И тем самым подписывает себе смертный приговор... На основе реальных событий.

ISBN 978-5-44-839003-6

© Бушмин И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	31
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дорога смерти – 3 Игра с огнём

Илья Бушмин

*«...И кого любовь не могла соединить при жизни, тех
в неразрывном союзе соединила смерть».*

Джованни Боккаччо

© Илья Бушмин, 2017

ISBN 978-5-4483-9003-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Яркое утреннее солнце, только что выползшее из-за крыш раскинутых через дорогу строений, било в окно и слепило. Рябцев бродил взад-вперед по узкому коридорчику приемного покоя, потирая красные от бессонной ночи глаза и щурясь, когда приходилось поворачиваться к окну, и говорил по телефону.

– Вика, со мной все хорошо, говорю тебе. Со всеми все хорошо.

– Ты мне врешь, да? Чтобы успокоить?

– Я не вру. Когда я приехал, там уже были наши. Я не стал бы тебе врать, – добавил Рябцев и тут же мысленно осекся, поняв, что соврал прямо сейчас. Он вздохнул и опустил на старую кушетку с облупившейся обивкой у стены. – Не переживай, слышишь?

Вика была на взводе.

– Я не спала всю ночь. Не могла уснуть. Что же это такое... Как назло. Как только ты ушел из архива и начались все эти проблемы, как тут беременность... Володя, ты сейчас не можешь себя опасности подвергать. Ты ведь это понимаешь?

– Вика...

– Нас теперь трое. Помни об этом, хорошо?

Рябцев пообещал. «Нас теперь трое». Звучало непривычно и резало слух.

Первые два года после свадьбы Вика пила таблетки, контролирующие менструальный цикл и, что не менее важно, являющиеся контрацептивом. Вопрос потомства они обсуждали, но каждый разговор заканчивался неизменным выводом: «Потом». У них не было ничего, кроме родительской квартиры и оставшейся от них старой мебели, а Вика училась в институте и не зарабатывала ничего. Потом она нашла работу, а Рябцев в полиции получил очередную звездочку и прибавку к зарплате. Со временем Рябцев и Вика стали обрастать вещами. На банковском счету появились скромные накопления, которые постепенно росли и сейчас представляли собой довольно приличную сумму. На новую машину не хватило бы, но продержаться около года даже при потере работы – вполне. Это была подушка безопасности, страховка от незапланированных и резких жизненных поворотов. Но потом грянули проблемы на службе у Рябцева. Поначалу он барахтался в своей депрессии и не обращал внимания ни на что более. Но жизнь продолжалась. Ненавистная работа в подвале архива, хоть и тянула из Рябцева все соки, была стабильной, не грозила увольнением за превышение или злоупотребление полномочиями, с чем в любой момент мог столкнуться оперативник угрозыска – после любой прокурорской проверки. Это была стабильность. И тогда Рябцевы решили, что пора. Теперь им не грозила опасность остаться без всего. Но судьба распорядилась иначе. Однажды Рябцев пришел домой пораньше и взял в руки сотовый телефон Вики, на дисплее которого виднелось то самое СМС... И все, в том числе ребенок, ушло на второй план.

И вот теперь как гром среди ясного неба – беременность. За последние годы они обсуждали это, наверное, сотни раз. Планировали, где будет детская – конечно, в спальне, как у всех. Планировали, как назовут ребенка – если будет сын или дочь. Но это были просто абстрактные разговоры. Сейчас разом изменилось все.

– Я ведь вчера тебе даже тесты не показала... Я после первого положительного побежала в аптеку и сразу шесть штук купила. Для верности. У всех две полоски. Беременность сто процентов. Подумать только, да?

Рябцев подавил зевету, которая одолевала его с первых проблесков солнца.

– Да вообще. Слушай, Вика, ты извини, но мне сейчас...

– Да-да, я только забыла тебе сказать. Сегодня я к врачу поеду. Вчера с вечера записалась. В частную клинику на Гагарина – помнишь, мы там были уже года три назад?

– Погоди. Туго что-то соображаю... К врачу хочешь? Зачем?

– Что значит зачем? Проверить! Все ли нормально. Вообще-то так делается... папаша! «Папаша» резало слух хлеще, чем все остальное. Рябцев нервно хмыкнул.

– Мда уж. Сегодня же воскресенье?

– А вот они работают. Ты поедешь со мной? Узи вместе пройдем, сам увидишь!

– Я бы с радостью, но... Вик, я ведь ночью не присел даже ни разу. И вряд ли получится, после того что ночью было...

– Да я понимаю, – голос Вики стал унылым и грустным. – Ладно. Такси вызову. Доберусь как-нибудь.

Рябцев тяжело вздохнул.

– Хорошо... Во сколько тебе назначено?

Рябцев коротал время, общаясь с женой, перед дверью кабинета, где дежурный врач с медсестрой колдовали над ногой Бегина.

– Так, ну вроде готово, – врач отступил, наблюдая результат своего труда. – Промыли, обеззаразили, зашили и перевязали. Все готово.

– Что это был за укол? – спросил Бегин у медсестры, которая самозабвенно возилась на полке со шприцами, раскладывая их.

– Столбняк, что же еще, – вместо нее ответил врач. – Я бы вам настоятельно посоветовал госпитализироваться.

– Из-за гвоздя?

– Это не царапина, у вас колотое сквозное ранение. Плюс, учитывая вашу ситуацию... Вы ведь, как я понимаю, даже не почувствуете, если рана откроется?

– Спасибо, я обойдусь как-нибудь.

Бегин осмотрел ногу. Тугая бинтовая повязка окутывала центр его стопы, оставив обнаженными лишь пятку и торчащие из этого кокона пальцы. Сверху на подъеме стопы и внизу, на ее своде, сквозь многочисленные слои бинтов угадывались проступающие розовые пятна – ранения продолжали кровоточить.

– Вам лучше не пользоваться сейчас стопой. Все-таки человек ходит, понимаете? Вы будете постоянно беречь рану, она будет открываться снова и снова... А при отсутствии болевой чувствительности вы забудетесь и...

– Я не забуду, что у меня дырка в ступне. Но спасибо.

Врач уселся за стол, побряхтел.

– Давно у вас это?

– Дырка? Часов семь.

– Нет-нет. Анальгезия. Как давно это у вас?

– Последние 11 лет.

– И не проходит? – Бегин в ответ просто покачал головой. Врач признался: – Никогда не сталкивался, честно говоря. В учебниках читал, да и то, когда это было... Явление ведь достаточно редкое. По крайней мере, в такой форме, как у вас. Вы не думаете, что в вашем случае анальгезия имеет психосоматическую природу?

– Доктор, – устало откликнулся Бегин, вставая на здоровую ногу, облаченную в ботинок, и упираясь в пол лишь пальцами правой ступни. – О своей анальгезии за эти годы я узнал больше, чем знают большинство врачей. Если мы закончили, я пойду. Спасибо еще раз.

Он подхватил пакет с проткнутым насквозь ботинком внутри и неловко, короткими прыжками, заковылял к двери. Медсестра бросилась открывать ему. Врач вздохнул и бросил напоследок:

– Проверяйте почаще, что там у вас. Я имею в виду, просто смотрите вниз. Увидите кровь – сразу к нам в процедурный.

Пришлось благодарить врача еще раз. Бегин выбрался из кабинета. Тут же к нему подскочил Рябцев.

– Тебе помочь?

– Я сам.

– Ой, да брось ты. Терминатор, мля. – Рябцев закинул через плечи руку Бегина и двинулся по коридору. – Тяжелый, черт. Худой вроде. Наверное, дерьма внутри слишком много, а? Бегин усмехнулся.

– В точку.

Не без труда Рябцев помог спуститься Бегину по ступенькам и довел его до машины. На сиденье Бегин завалился сам, держась руками за дверцу. Рябцев уселся за руль, завел двигатель.

– Куда сейчас?

– Обувные магазины уже открыты? Мне нужны ботинки, которыми нельзя будет пользоваться, как умывальником.

Рябцев знал пару палаток с обувью на местном вещевом рынке, который работал с восьми утра. По пути на рынок он наблюдал, как Бегин повертел пакет с оставшимся на память дырявым ботинком и бросил его на заднее сиденье.

– Если ты не против.

– Пожалуйста, кидай окровавленные вещи в моей машине, мне это так нравится, – хмыкнул Рябцев. И затем серьезно продолжил: – Слушай, я тебе поражаюсь, как ты смог... Ну, ногу насквозь, это же боль адская.

– На это и был расчет?

– Чего?

– Они на это и рассчитывали, – повторил Бегин. – Выкрутили или выбили лампочку на площадке. И бросили под дверь несколько «куриных лап». Пропорешь ногу – заорешь. Может быть, упадешь. Все-таки больно. В это время с площадки сверху спускается парень с пистолетом. Ты не успеваешь опомниться, как получаешь пулю в лоб.

Рябцев помрачнел.

– Б... А я думал, так, напугать решили, типа мы все про тебя знаем и все такое.

– И напугать тоже. Только не меня, а других, кто сунется туда же, куда и я.

– Это куда?

Бегин не ответил сразу, а потом они уже подъезжали к рынку. Бегин остался ждать в машине. А Рябцев побежал на территорию барахолки, лишь уточнив размер ноги. Он заверил, что торговцы – его знакомые, за которыми был должок еще со времен его оперского прошлого. Вероятно, так оно и было, потому что через десять минут он вернулся вместе с низкорослым смуглым мужичком в спортивном костюме и с барсеткой на животе, который волок баул с коробками.

– Что, прямо здесь?

– А ты предлагаешь тебя на руках по рынку таскать, блин, пока ты себе подходящий фасончик выбирать будешь? – проворчал Рябцев. – Обувь недорогая, на первое время сойдет. Все равно ты кровью там все загадишь десять раз, пока не заживет все. А уж потом хоть в бутиках себе обувку покупай. Только без меня.

Бегин подчинился. Мужик с рынка постелил газетку перпед распахнутой дверцей машины, и Бегин, сидя на пассажирском кресле, осторожно примерял ботинок за ботинком. Примерял на здоровую ногу – здоровый смысл подсказывал, что правую сейчас лучше не трогать вообще.

Рябцев тем временем успел куда-то позвонить и, вернувшись к машине, поведал:

– На месте наши все еще работают. Там даже Лопатин час назад побывал, отметил. Приказал дверь менять. Там же замок всмятку почти... И прикинь, сейчас дежурный опер сидит там и ждет рабочих-установщиков. Ты у нас теперь звезда. Недели две только об этом в управлении и будут тряндеть.

– Рад до безумия. А по делу узнал что-нибудь?

– Собрали гильзы. Всего в дверь он всадил 16 пуль. Две обоймы угрохал, прикидываешь? Чувак явно был на взводе.

– Говорю же, он никак не рассчитывал, что я смогу попасть внутрь и закрыться там.

– Все планы людям сорвал, гад, – хмыкнул Рябцев. – Серийные номера на гильзах спилены, если тебе интересно. Так что это банда ДТА, без сомнений. Гильзы баллистам конечно отправили. А вот пули деформированы полностью. Сам понимаешь, дверь железная... Слушай, Сань, тебе бы перебраться куда-нибудь в другое место, а? Лопатин тебе ведь номер в гостинице предлагал.

– Я не поеду в гостиницу. Не люблю людей.

– Это я заметил! – хохотнул Рябцев. – Прости, вырвалось.

– Я смотрю, как только мне ногу покалечили, у тебя сразу настроение улучшилось? – иронично подметил Бегин, натягивая на ступню очередной ботинок.

– Да нет... Это я так. Нервное.

– За меня переживаешь? Очень мило.

Рябцев уныло покивал. Собственная рубаша ближе к телу. Гораздо больше он сейчас переживал за свой любовный треугольник, который теперь обзавелся четвертым уголком.

Рябцев был прав – как только они добрались до УВД, сразу стало ясно, что Бегин теперь звезда. На него косился каждый второй, а каждый первый норовил подойти и сказать что-нибудь ободряющее. Дежурный, первым делом уточнив, как Бегин себя чувствует, доложил, что полковник Лопатин ждет следователя у себя в кабинете.

Рябцев довел Бегина до приемной и помог ему пробраться в кабинет. Лопатин бросился к Бегину и пожал ему руку.

– Как самочувствие?

– Голова болит.

– Что? Ааа! – Лопатин хохотнул. – Шутите. Это хорошо. Рябцев, не оставишь нас наедине?

Рябцев молча кивнул и покинул стены кабинета. Лопатин норовил помочь Бегину сесть, но тот отстранился, сам докарабкался до стола и с облегчением опустился в кресло.

– Сергей Вениаминович, мне нужно оружие, – сообщил Бегин. – Я звонил своему шефу в Москву. Он сказал обратиться к вам.

– Да-да, мы с ним уже все обсудили по телефону. Не вопрос, все организуем. Лицензия у вас есть, вы прикомандированы к нашему управлению, так что никаких проблем. И уж тем более после того что было... Просто так вам больше ходить нельзя. Как насчет охраны? Я могу приставить к вам парочку надежных людей...

– Просто пистолет. И вооружите, пожалуйста, Рябцева. Раз он временно возвращен в строй.

– Согласен. – Лопатин покачал головой. – Вас ведь могли убить... Что странно, если говорить честно. Основными следственными действиями вы не руководите, мероприятий в рамках основного расследования не проводите... Почему именно вас?

– Делайте выводы об основном расследовании, – кратко ответил Бегин.

Лопатин нахмурился. Помолчал, переваривая намек.

– Кстати, Александр Ильич... Говорят, вы интересовались убийством нашего участкового Зубова?

– Кто говорит?

– Как кто? Все. От секретариата до оперов. Управление у меня не самое большое. А я, между нами говоря, был бы херовым начальником, если бы не знал все, что тут происходит. Как вы думаете – это как-то связано? Просто ваше мнение.

– Все может быть.

Бегин не был настроен на искренние и длительные излияния, и Лопатин наконец это сообразил.

– Послушайте, Александр Ильич. Лично я, чтобы вы знали, считаю ошибкой ваше отстранение.

– Вот как?

– Вы в курсе, что мы сейчас ищем уже вторую ячейку террористов? – Лопатин покачал головой. – А когда поймем ее, а убийства вдруг продолжатся, будем искать третью. А потом что? Четвертую, пятую? Черт-те что. А ведь в этой работе задействованы сотни моих людей. Я не преувеличиваю, сотни. Но штаб сейчас по сути пляшет под дудку чекистов. Другие версии не то чтобы игнорируются совсем... Я бы сказал, скажем так, они не особо приветствуются.

– Я заметил.

– Плюс я должен вам за угонщиков, – продолжал полковник. – Мне тут благодарность за операцию объявили, а я не любитель жар чужими руками загребать. Так что вот такая вот у нас ситуация. Поэтому, если у вас будут какие-то новости, версии, идеи – можете смело обращаться ко мне. Напрямую. Минуя Раскова, который сейчас кроме экстремистов с Ближнего Востока не хочет ничего видеть, и Мальцева, который, между нами, уже много лет под ФСБ-шную дудку пляшет... Помогу чем смогу. Обещаю.

– Договорились, – согласился Бегин. – Тогда сразу просьба. Мне нужны материалы Зубова.

– Какие?

– Все материалы за последний месяц. То есть все, с чем он работал перед своей смертью. Административные дела, письменные жалобы, заявления от населения, которые Зубов не успел пустить в ход. Отказные материалы тоже. Планы, служебные записки. В общем, все. Поможете?

Лопатин нахмурился, сделал пару заметок на бумажке.

– К обеду все будет у вас на столе. – Бегин кивнул. А Лопатин продолжил, откинувшись на спинку кресла и пододвигая к себе любимую черную кружку с аршинными буквами «БОСС», словно напоминая, кто здесь хозяин: – И еще раз, Александр Ильич – будьте осторожнее. Если что – сразу звоните мне. Я не хочу, чтобы в моем городе убили следователя по особо важным делам из главного управления СК.

Бегин сухо улыбнулся.

– Они попытались меня убить. Но сделали ошибку. Они слишком мало обо мне знали. Плохо подготовились и в результате прокололись. Узнали бы чуть побольше – поняли бы одну вещь.

– Вот как? И какую же?

– Если начали, нужно добивать. Или вообще не лезть. Когда-то давно ко мне домой уже приходили... Я это не простил. Второй раз прощать тем более не стану.

Глава 2

– Зачем тебе материалы Зубова? Что ты хочешь найти там?

– Пока точно не знаю. Увижу – скажу.

Рябцев помогал Бегину идти по коридору. Они направлялись к кабинету, выделенному следователю. Как назло, кабинет был в дальнем конце коридора. Пыхтя, Рябцев пробурчал:

– Все эти бумаги вдоль и поперек перерыли. Ты не увидишь там ничего подозрительного, на что за эти полгода опера из убойного не обратили внимание и не проверили. Или ты, как всегда, думаешь, что наши опера пальцем деланные, один ты молоток?

– Это здесь не при чем. Они искали вслепую. И могли кое-что пропустить. А я знаю, что именно нужно искать. Что-нибудь, что может иметь отношение к банде ДТА.

– Пришли наконец-то, – облегченно выдохнул Рябцев, освобождая руку Бегина. – Думаешь, Зубов с ними столкнулся?

– Участковый как-то вышел на одного из этих упырей, или на всю группу, – кивнул Бегин. Мимо проходили сотрудники, и он понизил голос: – Возможно, с этим как-то связан Сергеев. Или кафе «Каламбур». Это новая информация, опера из убойного полгода назад в этом направлении ничего не искали.

– Полгода назад, – повторил Рябцев со значением. – Полгода, Сань. Банда начала убивать полтора месяца назад.

– Когда они начали отстрел на М-4, у них уже было все готово. Налажена схема, по которой они достают транспорт. Налажены поставки стволов. Раз они имеют возможность сбросить оружие, стволов у них побольше, чем два-три, согласен? Отработана схема нападений. На все это нужно время. Я думаю, – Бегин заговорил еще тише, – что или один из них, или все они местные, из Домодедово. Вспомни наркоту у Сергеева. Все это как-то связано. И Зубов здесь тоже не просто так. Он как-то вышел на этих упырей. Они уже готовились к тому, что происходит сейчас, и не собирались менять планы из-за какого-то участкового. И банда убрала его. Потом они подождали пять месяцев. Поняли, что на них так никто и не вышел, что убийство мента не раскрыли, что к ним никто не подбирается. И тогда вышли на трассу.

Рябцев слушал, думал, кивал. Затем покосился на дверь. Следователь совершенно не спешил отпирать кабинет.

– Ты заходить-то будешь?

– Зайду, когда договорим. В кабинете лучше ничего такого не обсуждать.

– Это уже перебор, Сань, – хмыкнул Рябцев. – Думаешь, его прослушивают? Слушай, так и до паранойи недалеко.

– Во-первых, даже если у меня и паранойя, это еще не означает, что за мной на самом деле не наблюдают. Ты ведь не будешь спорить с этим после вчерашнего? – Рябцев предпочел промолчать. – А во-вторых, «куриные лапы» на пороге квартиры. Они сделали это в тот же день, как мы начали копать под убийство участкового Зубова. В тот же день, Володя. Совпадение? Не думаю. Ну а в третьих... Вот скажи мне. Эта квартира, где меня вчера ждали. Это моя квартира? Или я ее снял?

– Это наша, ментовская квартира, – не понимая, ответил Рябцев.

– Вот именно. Квартира на балансе УВД. Которая раньше использовалась как конспиративная. Для оперативных нужд, так сказать. Вспомни, о чем мы говорили, когда обсуждали, как бандиты так ловко подставили тот бордель и пустили всех по ложному следу. Тогда это были по сути только мои догадки. Хотя ты поверил. Сейчас это уже доказательство. Как бандиты могли узнать о квартире? О конспиративной точке, о которой даже в самом УВД знают только начальство и опера? Подумай и скажи: как они узнали адрес?

– Б... дь, – помрачнел Рябцев. – У них свои люди в ментуре. Здесь, в этом управлении. Рядом с нами.

Бегин кивнул.

– А учитывая, что на меня напали сразу после того, как мы начали копать в истории Зубова... Эти люди не просто иногда сливают что-то бандитам. Эти люди следят за нами. И следят постоянно.

Серебристая «Нива» шла метрах в 15 за машиной Рябцева. Опер бросил угрюмый взгляд в зеркало заднего вида, пытаясь разглядеть, кто был внутри. Силуэт водителя. Рядом пассажир. Оба рослые мужики.

«Нива» двигалась следом, не отставая и не обгоняя, с тех пор как Рябцев выехал на Каширское шоссе. Памятуя о словах Бегина, которые не могли не подействовать на опера, он решил проверяться. И теперь пожалел. Паранойя обволакивала и затягивала его на глазах.

– Володь? Все нормально?

– Все хорошо. – Рябцев заставил себя улыбнуться сидящей рядом Вике. – Просто волнуюсь немного.

– Я тоже, – обрадовалась она. – Первое УЗИ! Спасибо, что поехал со мной. Мы должны вместе увидеть его в первый раз, правильно?

Рябцев свернул на Кутузовский. Можно было ехать прямо по Каширке вплоть до Советской и затем почти по прямой до клиники. Но тогда пришлось бы проезжать мимо управления. Если у него на хвосте бандиты, они не станут рисковать и приближаться к УВД.

В зеркале заднего вида Рябцев успел разглядеть «Ниву», которая стремительно проскочила мимо, уносясь дальше по главной транспортной артерии города. Рябцев невольно выдохнул.

Вика ласково положила ладонь ему на колено

– Не переживай.

Проклятая паранойя. Проклятый Бегин.

Проклятый Лопатин! Сидел бы сейчас в подвале и сканировал себе бумажки, ненавидя собственную работу и весь мир вокруг. Зато не было бы ничего этого. Не было бы паранойи. Не было бы Ольги...

В клинике их уже ждали. Девушка на стойке проводила их до кабинета УЗИ. Женщина в белом халате уложила Вику на кушетку. Эту процедуру Рябцев десятки раз видел по телевизору: обнажается живот, его мажут гелем – какой-то прозрачной липкой дрянью, похожей на слизня – и затем водят по этой водянистой поверхности проводным датчиком.

– 3D-формат? – с удивлением прочел Рябцев на аппарате. – А специальные очки выдавать когда будут?

– Володя! Ну что там? Все в порядке?

– Все в норме, – обнадежила Вику медик. – Никаких аномалий я не вижу. На этой стадии уже можно выявлять пороки развития плода.

– На какой стадии?

– У вас приблизительно девятая неделя беременности.

– Девятая, – ахнула Вика и схватила стоявшего рядом Рябцева за руку. – Я уже на третьем месяце, представляешь?

Рябцев не представлял.

– Хотите посмотреть? Вот ваш ребенок. Видите? Вот здесь на экране.

Рябцев вгляделся. На мониторе на черном движущемся фоне мелькало и пульсировало какое-то бесформенное пятно, похожее на налипшие остатки табака на дне пепельнице, если резко ее перевернуть.

– Круто, – сказал Рябцев.

У него завибрировал сотовый. Медик с укором покосилась на опера.

– Я же просила телефон не включать. Оборудование реагирует...

Пообещав исправиться, Рябцев выскользнул в коридор и достал телефон. От надписи на дисплее у него лишь разболелась голова – словно что-то чужое проникло в лоб и принялось стучать по стенкам черепа. Звонила Ольга.

– Да, привет. Слушай, я на работе сейчас, тут запарка очень большая. Я попозже тебя сам наберу, хорошо?

Поспешно отключившись, Рябцев тяжело вздохнул. Дальше так он не выдержит. Еще пару дней назад перспектива иметь связь на стороне – особенно, если это обрамлялось сладкой мстью в адрес Вики – казалось пусть сложной, но заманчивой, притягательной. Теперь все это вызывало мигрень и желание проснуться.

Остаток дня Бегин посвятил материалам Зубова, которые из опорного пункта привез сам майор Богданов. Их было больше, чем Бегин ожидал. Напечатанные на компьютере, написанные от руки самим участковым и жителями участка, который он обслуживал, одиночные листы и целые стопки бумаг, соединенные степлером или канцелярскими скрепками... Три папки, плотно набитых документацией.

– Как много всего, – сказал Бегин. – Это за какой период?

– За месяц, как и просили.

– Большой участок, я смотрю.

– Пятнадцать тысяч человек, – ответил Богданов. – На участке Зубова было пятнадцать тысяч человек. На территории, который обслуживает наш опорный пункт, самый большой по численности участок был именно у Зубова. Но он справлялся. Потому что Зубов был...

– ...Участковый от бога, – кивнул Бегин. – Я уже понял. Здесь все?

– Вот тут законченные дела, которые Зубов готовил к передаче в архив, – Богданов взялся за одну из папок. – Само собой, мы их передали, так что здесь копии. Их отдел убийств уже изучал, кстати. Вот здесь, во второй папке, текущие материалы, по которым Зубов только начинал работу, или по которым даже не успел ничего сделать. Жалобы, заявления, сигналы от населения... Вот здесь все остальное. Планы, обходы, задания от следователей по уголовным делам. В общем, разберетесь.

– Постараюсь.

– Будет нужна помощь, обращайтесь сразу, – Богданов положил перед Бегиним свою визитку. – Я сделаю все, чтобы помочь. Зубов был моим другом.

Бегин взялся за первую папку. Он вооружился ручкой и несколькими чистыми листами бумаги, куда решил выписывать все, что покажется ему имеющим значение. Но теперь выяснилось, что это работа надолго.

Бегин не заметил, как опустился вечер, а в коридорах управления стихли голоса. Глаза следователя слипались, он постоянно зевал – бессонная ночь давала о себе знать. Хотелось кофе, но чайник уже был пуст, а перспектива прыгать с емкостью на одной ноге до кулера с водой радости не вызвала.

Потом ему на сотовый позвонили с неизвестного номера. Судя по порядку первых цифр, это был сотовый.

– Добрый вечер, Александр, – услышал он женский голос и не сразу узнал журналистку Свету Уколову. – Вас Уколова беспокоит. Как поживаете?

– Вашими молитвами. Здравствуйте.

– Плохо, значит, молилась. Я про вашу ногу. Сильно пострадали?

– Как вы узнали?

– Плохим я была бы криминальным репортером, если бы не узнала. Дадите комментарий?

– Можно вас попросить не писать об этом, – нахмурился Бегин. – Вся информация по следствию сейчас закрыта.

– У меня есть источник. А вы косвенно подтвердили, между прочим. Только что. Бегин вздохнул.

– Хотя бы не указывайте мое имя. Это просьба.

– Хорошо, – в ее голосе зазвучали кокетливые нотки, – но чисто из уважения к вам.

И в надежде на дальнейшее сотрудничество. Ведь наш уговор в силе?

– Я все помню.

– Вот и отлично. Тем более, вы знакомы с моим братом.

– Какой я шустрый. Когда же я успел?

Света рассмеялась.

– Федор. Стритрейсер. Вы с ним как-то общались. Это мой родной брат.

– У которого есть знакомые в полиции, – кивнул Бегин. – Хотел спросить, кто же ваш источник, но теперь, наверное, не стану.

В кабинет вошел Рябцев. Недовольный, угрюмый и хмурый. Он плюхнулся на стул и, разложив на столе свои табачные принадлежности, принялся демонстративно крутить сигарету. Бегин скомкал разговор со Светой, пообещав связаться с ней, когда «наступит время», положил трубку и вопросительно уставился на Рябцева.

– Сам скажешь, что случилось, или снова будем ждать твою жену?

– Очень смешно, – огрызнулся Рябцев. – С женой все в порядке. Не все в порядке... со всем остальным. Черт, почему в жизни все должно быть сложно? Почему нельзя... просто жить?

– Просто живи. Что тебе мешает?

Рябцев протяжно вздохнул и тоскливо посмотрел на Бегина.

– Слушай, нет желания выпить? Около твоего дома бар есть неплохой, мы там с мужиками день угрозыска как-то отмечали. А я завтра, если хочешь, помогу тебе разгрестись с материалами Зубова.

Работы было много. Но мозг Бегина на вторые сутки без сна соображал туго и со скрипом.

Перед уходом Бегин открыл сейф и вытащил выданный ему сегодня пистолет и две – основную и запасную – обоймы патронов.

Глава 3

Бар был неумело и безвкусно стилизован под ковбойский салун. Работники бара странно косились на вошедших гостей, один из которых помогал второму добраться до столика. Но, когда Рябцев подошел к стойке заказать пиво, кажется, узнали его и потеряли к вновь прибывшим всякий интерес.

Первую кружку Рябцев тянул молча, лишь сначала сосредоточенно закручивая сигарету, а затем – так же сосредоточенно ее покуривая. А вот на второй кружке он не выдержал. Рябцеву было жизненно необходимо с кем-то поделиться.

– У меня жена беременна.

– О. Поздравляю.

– Спасибо...

– Не заметно особой радости.

– Потому что нет особой радости. То есть, я рад, потому что мне ведь четвертый десяток идет, и как бы пора. Да и детей я всегда любил. У меня вон племянница есть, я с ней вожусь постоянно, когда видимся, она от меня в восторге и... – Рябцев отмахнулся. – Короче, дело не в этом. Дело в том, что... Вот знаешь, иногда кажется, что жизнь, она, б... дь, прикалывается над тобой. Ждет самый неподходящий момент, чтобы подсунуть тебе что-то такое, от чего челюсть отвиснет. Мы с Викой семь лет женаты. Семь. Сначала не до этого было, потом... потом снова не до этого. Потом одна проблема, потом вторая. И вот на тебе. Не месяц назад. Не два месяца назад. Не даже неделю назад! Именно сейчас. Надо же этому было случиться именно сейчас! А ты, б... дь, разгребай.

Бегин с интересом наблюдал за ним.

– Не знаешь, как об этом сказать своей подруге?

– Твою же мать, Бегин, – разозлился опер. – Не начинай, а, нормально ведь сидим, общаемся?!

– Хорошо, молчу. Как скажешь.

Рябцев попытался. Докурил. Допил пиво. Отправился к стойке еще за двумя кружками, себе и Бегину, и, усаживаясь назад, нехотя признал:

– Знаешь, ты тогда правильно заметил. – Рябцев ткнул указательным пальцем в обручальное кольцо. – Я его несколько месяцев назад только надел снова. У нас с женой... трудности были. Чуть не развелись. По ее вине. Не хочу говорить, что там у нас было, но это была ее вина. Она поступила некрасиво и херово по отношению ко мне. Так, как жена поступать не должна. Типа нарушила табу. Понимаешь?

– Примерно. Ну, а чего не развелись? Разбежались в разные стороны – и нет проблемы.

– Потому что жизнь немного сложнее, чем... чем может показаться, если просто об этом рассказывать. Подводные камни. Эмоции. Общее прошлое. Привычки. Много всего. Я думал уйти от нее. Серьезно думал об этом. А потом как-то само собой... все вернулось назад. Как было.

Бегин закурил.

– Но ты затаил на нее злость. И теперь мстишь, трахаясь на стороне.

– Твою же мать, – зло протянул Рябцев. – Бегин, ты даже не представляешь, как с тобой сложно. Что ты за человек вообще такой? Как тебя до сих пор собственные коллеги в комитете еще не прибили, а? Умный, блин, советы он раздает. Ты хотя бы сам знаешь, что это такое вообще – брак? Был когда-нибудь женат?

– Да, был... Она умерла.

– Черт, – осекся Рябцев. – Прости, я не знал...

– Конечно, не знал. Я не рассказывал.

Потом они заказали еще по кружке. Когда Рябцев принялся мастерить очередную самокрутку, Бегин упросил его показать, как это делается.

– Вот, смотри. Берешь бумагу. Вот так, видишь? Пальцами, тремя пальцами держишь, а средним пальцем снизу придерживаешь, чтобы форму держала. Ага? Ставишь фильтр. Ставишь сразу, а не потом. Понял? И насыпаешь. Теперь! Надо утрамбовать. Аккуратненько так, указательным, уплотняем...

Затем они попросили сразу четыре кружки – чтобы не бегать к стойке каждые пять минут. Отсутствие сна в течение почти двух суток делало свое дело – оба даже не заметили, как захмелели.

И тогда язык развязался у Бегина.

– Лена готовила завтрак, а я в ванной был. Умывался, кажется, – говорил Бегин, потягивая пиво, а Рябцев молча слушал, боясь вставить слово. – Услышал, что в дверь позвонили. Кричу ей: «Ты откроешь?». Вода шумела, и я не услышал ничего. А когда выключил воду и вышел в коридор, Лена уже открыла квартиру... Их было двое. Я до сих пор вижу их во сне. Каждую ночь, если только не нажрись до скотского состояния... Одного из них я называю животным с золотыми резцами. У него были золотые фиксы на верхней челюсти. И я видел его глаза. Это был зверь. Из тех зверей, которых ты просто так не встретишь на улице. Чтобы встретить такого, как он, нужно идти в самые злые места, в районы, куда простые люди боятся попасть в темное время суток... Второй был бритоголовой тварью. Их было всего двое.

– Что они хотели?

– Убить меня. Их наняли. Их задачей было убить меня и инсценировать все под ограбление. Ублюдков подослал фигурант по одному из дел, которые я тогда вел. Потому что я хотел раскрутить его на максимум.

Бегин помолчал. Рябцев решил было, что тот больше не вернется к неприятной теме, но Бегин заговорил снова.

– Они сразу начали бить. Не меня, Лену. Потому что она была ближе. Животное с фиксами врезало ей в лицо, а потом воткнуло в стену. С такой силой, что я слышал... этот звук. Звук ломаемых костей. Я как обезумел. Сразу бросился к ним. А сам был сопливым следоком прокуратуры. Ствола не носил, приемами рукопашного боя не владел... Меня положили на пол. Сразу положили – ударом биты по лицу. Потом были удары по рукам и ногам. Перебили кости, чтобы я больше не мог брыкаться. Потом по мне прыгали, ломая ребра... Они много чего делали. Я то отключался от боли, то снова приходил в себя. И до тех пор, пока мог смотреть, я смотрел на Лену. Но видел только ее ноги.

Рябцев молчал, позабыв обо всем. Собственные проблемы казались никчемными и слишком мелочными, мещанскими, чтобы даже думать о них. В этот момент Рябцеву стало кристально ясно, почему Бегин так реагировал на его, Рябцева, измену жене. «Имеем – не храним, потеряем – плачем».

– Она тоже была беременна, – проронил Бегин. – На пятом месяце.

– Б... дь, – пробормотал Рябцев. – Ё... ные суки.

Больше всего на свете ему, пьяному и пораженному услышанным, хотелось вскочить и сделать для Бегина что-нибудь. Но что, он не знал.

– Самое жуткое, когда ты просыпаешься – и понимаешь, что в твоей жизни нет больше ничего и никого. Это заставляет очень сильно... пересмотреть свои взгляды на эту самую жизнь. Когда я очнулся в больнице, выворачиваясь наизнанку от боли, я понял это. У меня не было жены. Не было ребенка, которого я даже не видел, но который существовал. У меня не было даже дома. Было только собственное проклятое тело. Которое не смогло сделать ничего.... А могло просто валяться и смотреть, как уничтожается все.

Следующие кружки они выпили почти залпом. Бегин сам, наплевав на уговоры Рябцева, который предлагал его оттащить, сходил в туалет. Вернувшись за стол, пьяно хмыкнул:

– Я забыл про ногу. Наступал на нее. Обещал не забыть, что с ней, а сам забыл.

Рябцев мутным взглядом посмотрел на ногу Бегина, едва при этом не свалившись на пол, на самого Бегина.

– Почему тебе не больно? – икнул Рябцев.

– Что?

– Почему тебе не больно? Я давно заметил. Там на трассе ты расхерачил ногу о сухую ветку. Почти до кости. Вчера ты проткнул ногу насквозь... Почему тебе не больно?

Бегин поколебался. Но он был пьян, и язык развязывался сам собой.

– У меня анальгезия. Такая херня, при которой из-за передозировок обезболивающими и сильных стрессов, в общем, перегрузки нервной системы, ты теряешь способность чувствовать боль. Совсем. Если тебя режут, ты чувствуешь прикосновение. Чувствуешь, как в ране на твоём теле копаётся рука. Чувствуешь почти все... Кроме боли. Ее нет. Чертовой боли – нет... Ты можешь сидеть, пить пиво, гнить заживо... и даже не подозревать об этом.

Бегин залпом влил в себя остаток пива и, шатаясь, побрел к стойке заказывать еще.

Рябцев смутно помнил, как долго они сидели в баре и сколько еще выпили. В памяти отпечаталось, что Рябцев пытался волочить Бегина по улице, а тот упирался, выдергивал руку и шагал сам. В подъезде он хотел идти по лестнице – Рябцев еле уговорил его отправиться наверх лифтом. Около квартиры Бегин, что-то бубня, искал «куриные лапы» на полу лестничной клетки и порывался выхватить пистолет и отправиться зачищать от убийц из банды ДТА верхний этаж.

Все это время из головы Рябцева, который протрезвел на свежем ночном воздухе, не выходили словно отпечатавшиеся там слова Бегина.

– Володя, я не боюсь смерти. Seriously. Совсем. Я ведь очень много думал об этом... Это как младенцы боятся ступить на зеленую траву, не понимая, что она из себя представляет. А где есть страх, там мы сразу создаем мифологию. И это всегда мифология ужаса. Но ведь никто не вернулся оттуда, чтобы унять этот священный ужас перед неизвестным – или наоборот, чтобы убедить, что бояться реально стоит. Так почему мы, приземленные сгорбленные к земле насекомые, так уверены, что после смерти нас ждет что-то ужасное? Мы ведь уже пережили смерть однажды. В тот самый день, когда мы рождались. Привычная для нас вселенная разрушилась, а впереди был яркий свет – и леденящий душу ужас. Говорят, родовая травма так сильна, что мы всю жизнь несем на себе ее отпечаток. Это было самое ужасное, что мы все пережили. Но мы – пережили. А потом нам сказали, что это была вовсе не смерть. Так ведь? Оказалось, что это было только начало жизни. Так стоит ли бояться? Когда я сдохну, кто знает, может быть, не будет ничего. Наступит пустота. Но если сознание останется жить, я закрою глаза и полечу туда, где свет. А весь этот рукотворный ад, который мы якобы любим, но на который жалуемся каждый божий день, всю свою жизнь, с утра до вечера, – Бегин махнул рукой вокруг, – пусть катится к чертям собачьим.

Рябцев все-таки сумел не только затолкать упирающегося и что-то бубнящего Бегина в квартиру, но и даже довести его до кровати. Бегин отключился мгновенно – сразу, как уронил голову на подушку. Рябцев, спотыкаясь и матерясь, скинул с него обувь. Даже в крошечной темноте было видно, что бинты на ноге Бегина были красными – кровь из открывшейся кровоточащей раны пропитала каждый миллиметр перевязки.

– Почему – «не было дома»? Ты сказал... тогда, когда рассказывал... Ты сказал, что у тебя не стало даже дома.

– Они его сожгли.

Ничего не соображая, Рябцев уставился на Бегина.

– То есть как? А ты – ты был внутри? – Бегин кивнул. – Погоди. Тебе сломали руки. Ноги. Жуть, б... дь, какая... Подожгли все... Как ты выжил? Как ты выбрался?

– Вытащили. Не знаю точно. Я пришел в себя в больнице. Открытые переломы рук и ног. Даже пальцы на ногах, и те сломаны. Всмятку 12 ребер, некоторые на шесть-семь осколков. Эти куски костей, б..., проткнули все, до чего смогли достать. Легкие, диафрагма, печень. Каким-то чудом, хер знает каким, уцелело сердце, иначе я бы здесь сейчас не сидел. Отбили почку. Из-за внутренних кровотечений даже часть кишечника вырезать пришлось... – Бегин ухмыльнулся, пытаясь сфокусировать взгляд на Рябцеве, который не сводил глаз с Бегина. – Меня собирали по кускам. Как чертов пазл. Тридцать две операции подряд в течение года.

– Охереть. Сань... Даже не знаю, что сказать...

– Весь этот проклятый год в больнице я лежал, прикованный к кровати, – там, в баре, рассказывал Бегин. – И все это время была боль... Боль была такая, что я мечтал сдохнуть. Лишь бы не испытывать ее больше. У меня слов не хватит, чтобы описать это. Я кричал. Я выл, б... дь, так, что срывал голосовые связки. И врачи пытались мне помочь. Пичкали меня анальгетиками. Лошадиными дозами анальгетиков. А я орал, хрипел, выл и просил еще и еще... Иногда отключался. Но лучше не становилось. Потому что, когда я отключался, я видел тех двух тварей, которые кромсали меня на куски. И видел Лену и ее кровь. Потом ты приходишь в себя... и боль возвращалась. Немедленно. И я снова кричал, выл, сжимал кулаки так, что ломались ногти... и требовал еще обезболивающего. А потом наступил тот момент, когда все ушло. Почти сразу. Я думал, это улучшение. Но оказалось, это анестезия.

На всякий случай Рябцев спрятал в шкафу пистолет Бегина. А потом вышло так, что он нашел бутылку пива в его холодильнике. И в конечном итоге Рябцев, проверив, крепко ли заперта только сегодня установленная новенькая дверь, сел на кухне. Пиво в него больше не лезло. Рябцев курил самокрутки, смотрел в окно и вспоминал слова Бегина.

– Ты живешь с женщиной. Каждое утро и каждый вечер видишь ее. Спишь с ней. Вы вместе ужинаете и общаетесь на разные темы. И ты, дурак, почему-то думаешь, что так будет всегда. Но в этом мире нет ничего постоянного. Наша уверенность в том, что та жизнь вокруг, к которой мы привыкли, это навсегда – самая тупая наша ошибка. Ты можешь сдохнуть в любой момент. Наша планета может взорваться к чертям в любой момент. Вселенная может разлететься к чертям в любой момент. Мы сидим и думаем: «Через год я куплю машину, а через два года мы заведем ребенка». А потом жизнь показывает, что ты – никто, песок под ногами. – Бегин горько ухмыльнулся. Он был вдрызг пьян, а по его щекам, как с изумлением вдруг обнаружил Рябцев, текли слезы. – Знаешь, что для меня было самым хреновым – там, в больнице, пока я год валялся под капельницами? Я понимал, что просрал все. Дом. Жену. Счастье. Нормальное будущее. Просрал всю жизнь. Я это понимал, смирился. На что-то из этого мне вообще было плевать. Но вот то, чего я не мог простить миру тогда и не могу простить до сих пор... Так это то, что он украл у меня возможность даже увидеть ее в последний раз. Увидеть ее лицо. Запомнить его таким, каким оно было в тот последний момент. Я даже не смог побывать на ее похоронах, потому что в этот самый момент валялся в больнице и извивался от боли, как червяк...

Рябцев вспоминал слова Бегина, которые поразили его в самое сердце. Рябцев думал о Вике и Ольге. И вдруг он понял, что Бегин был прав, когда задавал так раздражавшие Рябцева вопросы про месть жене и про смысл такого брака. Бегин был – прав!

Рябцев женат. У него есть Вика, а скоро будет и ребенок. Все остальное не имело никакого значения. Обиды, предательства, месть, вранье... Это мусор, который ему нужно было выбросить из жизни одним махом, не задумываясь. И, как говаривал его, Рябцева, отец – делать то, что должен делать.

Теперь Рябцев точно знал, как ему поступить.

Глава 4

В эту ночь Федор был воодушевлен, как никогда. У него было предчувствие, что их ежедневная работа близится к своему логическому завершению – поимке банды. И причины для этого были. Во-первых, сейчас их больше. В эту ночь на пустыре, месте традиционных сборов перед выездом на трассу, Федор насчитал 90 человек. Пустырь едва вмещал всех активистов движения, которые решили внести свою лепту в их общее дело. Во-вторых, теперь у них была новая тактика, разработанная Федором и его ближайшими соратниками после покушения на Носа. В-третьих, помимо увеличения числа машин и людей – участников ночных рейдов – Федор работал и по другому направлению, которое именно сегодня принесло свои результаты.

Колонна ярких спортивных автомобилей, рычащих каждая на свой лад, словно огромная стая космических существ из футуристического будущего, заполонила крупную автозаправочную станцию неподалеку от развязки, соединяющей кривыми бетонными монолитами Домодедовское шоссе и М-4. Пока одни расплачивались с кассирами, не верящими своему счастью – о такой толпе пожирающих топливо спорткаров, заливающих исключительно полные баки, можно был лишь мечтать – другие сгрудились вокруг Федора.

– Звонил Нос. Всем привет. Он желает нам удачной охоты. У самого Носа все пучком, заживает как на собаке. На одну медсестру глаз положил, просит привезти ему ящик г... донов, – по ряду стритрейсеров проползли смешки. – Кто хочет навестить его в больничке, милости просим. Завтра я часам к пяти хочу к нему заскочить. Кто со мной – звоните.

Ему принесли сдачу. Пряча деньги в карман, Федор продолжал:

– Дальше. Народ, все вы знаете, что я на нашем паблике веду ежедневный отчет о проделанной за ночь работе. Так вот, на меня вышел один человек. Он совершенно бесплатно готов одолжить нам тепловизор. Крутой прибор, который стоит почти полтора ляма.

– Зачем нам? – буркнул кто-то.

– Затем, мля. Уроды разбрасывают шипы на асфальте, а сами что делают? Иногда сидят в тачке, а иногда, как все мы знаем, прячутся где-то в обочинах, в кустах, за деревьями. С помощью тепловизора мы сможем их увидеть, а значит, правильно среагировать. И если повезет, взять их теплыми, пока они будут думать, что сидят себе в кустах в полной безопасности. Круто? Круто. Так что теперь у нас не только массовка, но и крутые гаджеты, которых нет даже у ментов. Завтра я встречаюсь днем с этим человечком, он мне все показывает, как тепловизором управлять и пользоваться.

Федор осмотрелся. Заправщик шептался о чем-то с кассиршей за решеткой, косясь на толпу стритрейсеров. Пора было освобождать территорию АЗС.

– Так, ладно. Забиваем полные баки, кто еще не забил. И уходим на трассу. Как и договаривались, сегодня идем двумя колоннами. Во главе первой я, Артур, Сухарь, Бобер и Петро. Мы уходим на Домодедовское шоссе, на М-4 «Дон» до Ртищево, где сворачиваем на Каширку и возвращаемся назад. Вторую колонну ведут Кукарский, Штейн, Карчикян и Смокин. Они идут по Каширскому шоссе на М-5 и прочесывают ее до большой бетонки. Связь каждые пятнадцать минут. Так мы окучим за одно и то же время вдвое больше площади и ничем не рискуем, потому что теперь нас много. И главное, народ! Все учли ошибку Носа? Его от смерти спасли только реакция и опыт. У большинства остальных такой подготовки нет. Теперь в одиночку на дороге не остается никто. Только все вместе. Теперь это правило номер один.

Предчувствие не подвело Федора. Улов появился практически сразу – через полчаса после того, как колонна во главе с ним вышла на ночную трассу. За поворотом на Бронницы они заметили стоящую в обочине серую «черри», внутри которой метались огоньки.

Действовали, как всегда: три машины – Федора и ударных групп в составе Артура, Сухаря, Бобра и Петро – блокировали «черри» с трех сторон. Они еще не успели выскочить

из автомобилей, как рычащая колонна замерла, заняв всю крайнюю полосу, насколько хватало взгляда.

В машине сидели двое. В свете фар мелькнули стеклянные глаза водителя. Артур распахнул дверцу, и Сухарь с Бобром с оружием в руках взяли на мушку парня за рулем.

– Из машины вышли! Вышел!

– А вы кто такие? – неровным голосом, словно язык его не слушался, пробормотал водитель. – Пошли нах... отсюда, а то у... бу!

Его выволокли на воротник. Из салона машины ударил в нос характерный запах марихуаны.

– Опа. Че, пацаны, накуриваемся потихоньку?

Пассажир оказался менее дерзким, но более шустрым. Он выпрыгнул из «черри», когда Петро и еще двое стритрейсеров шагнули к его дверце, и бросился бежать в лес. У обочины споткнулся и кубарем покатился вниз.

– Держи его! Стой, б... дь!

Петро первым догнал пассажира. Прыгнул на его спину, вжав в траву. Когда подошло подкрепление, они подняли пассажира и, что-то нечленораздельно мычащего, поволокли наверх.

– Оружие в машине есть?

– Иннах.

Федор схватил водителя за волосы и дернул назад, шипя в лицо:

– Слышь, обсосок, я с тобой цацкаться не буду! Оружие, повторяю, есть?

Сухарь и Бобер с фонарями в руках обследовали салон. Сухарь присвистнул и хлопнул Федора по руке, привлекая внимание:

– Укол, зацени-ка.

Луч фонаря осветил рулевое колесо. Панель под ним была вскрыта, из панели торчали разноцветные проводки.

– Ключа в замке нет. Угнали тачку хлопцы.

– Где машину угнал? – Федор ткнул водителя в бок. – Слышь, ты? Где взял тачку?

– Пошел на х...

– Артур, звони гайцам, пусть наряд присылают. Поворот на Бронницы. Скажи, у нас тачка в угоне. И номер им продиктуй, пусть сразу по базам пробьют.

Петро тем временем обыскал карманы пассажира, выкладывая их содержимое на крышку капота «черри».

– Укол!

Федор посветил фонарем на капот. На металлической поверхности лежали тонкий обшарпанный кошелек, сотовый телефон, зажигалка и пачка сигарет. И треугольный сверток, размером чуть больше спичечного коробка, из газетной бумаги.

– Там анаша. Что-то осталось еще, не все сдолбили.

Водитель стал приходить в себя, осмысленным взглядом осмотрел обступивших «черри» людей и испуганно замычал:

– Вы кто вообще? Это моя машина. Не надо... не надо ментов.

Экипаж ДПС прибыл быстро – они как раз патрулировали участок трассы десятью километрами южнее. Как оказалось, машина действительно в угоне: регистрационный номер был внесен в базу не более двух часов назад, когда владелец автомобиля выглянул в окно и вдруг не обнаружил во дворе своего железного коня.

Оставив любителей анаши на инспекторов ГИБДД, колонна двинулась дальше по трассе. Дорога постепенно сужалась. Машин было все меньше – сказывалась и ночь, и все большая удаленность от Москвы – трасса сузилась до четырех полос, фонарные столбы попадались все

реже, а значит, затемненных участков было все больше. По приказу Федора колонна сбросила скорость и сейчас двигалась не более 80 километров.

– Укол, тут стоянка стихийная через пять километров, – донесся из включенного на конференц-связь и громкий режим сотового телефона. – Мы там неделю назад брошенную тачку нашли, помнишь? Проверим?

Стихийная стоянка находилась по правую сторону. Это была просто небольшая погруженная в темноту полянка, словно вырванная у обступавшего ее со всех сторон леса. Участок трассы находился между двумя деревушками, в которых не было мотелей и платных стоянок, и здесь местные находчивые граждане устроили свою, стихийную стоянку. На ней останавливались дальнбойщики, не дотянувшие до Москвы, а по утрам собирались междугородние маршрутки, устроив себе здесь что-то вроде конечной. Съезд на пустырь был узким, на нем не могли разъехаться две машины, но это был даже плюс – никто не улизнет во время проверки даже при всем желании – разве что в лес.

Обложили стоянку в мгновение ока, все действия за недели рейдов на трассе были отточены. Первые три машины колонны – Федора и ударных групп – сразу за въездом разъехались в разные стороны, блокируя дальнюю и боковые стороны поля. Остальная часть колонны, насчитывающей 23 автомобиля, забились на стоянку вразнобой.

На поляне стояли две фуры и три огромных грузовых прицепа. Между ними темнела старенькая «шестерка» с тонированными стеклами. Федор и ударники с ружьями и травматиками двинулись к легковому автомобилю, пока все остальные взяли на себя проверку фур и их водителей.

Федор стукнул в водительское стекло. Оно наполовину опустилось. За рулем находился угрюмый, напряженный и чуть напуганный водитель – небритый парень со сломанным носом.

– Выходим, – сказал Федор. Тот колебался. – Выходим, говорю, выходим!

Поняв, что спорить бесполезно, небритый выбрался из машины.

– Что ты тут делаешь?

– Я?

– Ну не я же. Что тут делаешь?

– Охраняю.

– Кого?

Небритый кивнул на фуры, которые были взяты в кольцо стритрейсеров. Одни уже говорили с сонными растерянными водителями, расспрашивая про маршрут, наличие оружия и накладных, другие заглядывали в прицепы, проверяя их содержимое.

– Типа охранник?

– Ну да...

– Багажник открываем. Мы просто проверим, не очкуй. Давай, давай, открывай!

Небритый повиновался. Луч фонаря выхватил бейсбольную битку и пистолет, лежащий на старой засаленной куртке. Сухарь одним пальцем, просунув его в дужку спускового крючка, поднял пистолет.

– Травматик?

– Пневматика, – покачал головой Сухарь. – Пугач.

– Это все твое? – водитель уныло кивнул. – Ладно. Документы покажи.

– Мужики, мне не нужны неприятности, я просто...

– Вот и покажи документы, твою мать. Сам откуда?

– Ебург. – водитель протянул книжку с автодокументами.

– Ебург это чего? А, Екатеринбург? Петро, посвети.

Петро щелкнул фонариком. Федор пробежался глазами по правам и техпаспорту. Заглянул на регистрационный номер «шестерки». Все было в порядке.

– Не боишься один тут охранять, в глуши такой? – Федор вернул небритому документы. Заполучив их обратно, тот почувствовал себя гораздо комфортнее.

– Да я не один. Дальнбойцы спят, но если че, я сигналию, все вскакивают...

– Часто подозрительные машины заезжают?

– Какие?

– Подозрительные, блин. Мутные типы на легковушках. Два-три человека, может четыре. Знаешь, покрутятся, пошныряют и уходят.

– Бывает иногда, – пробурчал небритый. – Но к нам менты местные иногда заглядывают. Да и местные нас знают, так что проблем пока не было пока никаких.

От толпы у ближайшей фуры отделилась тень и подошла к «шестерке».

– Укол, с фурами все нормально. Лук, картошка. Один в Москву едет из Подольска, второй домой в Саратов путь держит. Документы в порядке.

Федор покосился на небритого. Одиноким испуганным парень в полной глуши, вооруженный лишь куском дерева и пугачом, стреляющим крохотными шариками, которые с расстояния в 10 метров уже не могут пробить и лист плотной бумаги. Федор достал визитку.

– Вот. Если что-то не так будет, напряги, или бандосы какие-нибудь – короче, если вдруг прижмет – звони. Подскажем, поможем. Увидишь кого подозрительного, тоже звони.

Небритый закивал, откровенно радуясь, что пришельцы собираются уезжать.

– Номер «шестерки» запиши и нашим ментам на пост передай, пусть пробьют его, – шепнул Федор Артуру, проходя мимо него. Тот кивнул. Федор громче, чтобы слышали все, объявил: – Народ, сейчас идем на Ртищево!

Федор сел за руль. Вокруг зарычали двигатели. Включив фары, Федор дождался, когда ударная группа также рассядется по машинам, и первым тронул педаль акселератора.

Проезжая мимо забившихся на поляну машин соратников, Федор вырулил на ведущую к выезду на трассу дорожку. И тут заметил автомобиль, черневший у обочины трассы метрах в 20—30 от поворота на стоянку. В этот момент автомобиль тронулся и медленно покатил к съезду на поляну. Встав боком, он заблокировал выезд.

– Смотри, б... дь, борзый какой, – проворчал Федор.

Тормознув, он посигналил. Перед ним чернела тенью светлая «шевроле». Фары «ниссана» Федора упирались в боковые дверцы автомобиля, и он увидел, как опускается стекло пассажирской дверцы. Чертыхаясь, Федор приоткрыл дверцу и, высунув голову, крикнул:

– Э, дорогу дай?!

Кто сидел внутри, Федор не видел. Просто темный силуэт. Человек зашевелился. Высунил руку из машины. И в свете собственных фар Федор, холодея и не веря своим глазам, вдруг увидел блеснувшую сталь пистолета.

Загрохотали выстрелы. Первая пуля разнесла лобовое стекло, швырнув на лицо Федора осколки. Крича, Федор пригнулся, уткнув лицо в рулевое колесо, дернул, не глядя, рычаг передач и дал газу. Грохотали выстрелы. Пуля пробила воздуховод и обдала жаром плечо. Взревел двигатель, и «ниссан» рванул назад. Пронесся пять метров и врезался в идущую сзади машину ударной группы.

От столкновения «ниссан» развернуло боком. Выстрелила подушка безопасности, разбивая лицо Федора. Его голову дернуло назад. В глазах засверкали вспышки, сквозь которые фоном мелькали потолок салона, окно, пассажирское сиденье. Федора словно закружило в пространстве безумным вихрем, и координация пропала – он летел в тартарары, в никуда. Словно издавон он слышал, что выстрелы продолжали грохотать. Огонь вспыхнул в груди Федора, а потом огнедышащий жар заполонил все его сознание.

В голове мелькнула последняя мысль: он был прав. Предчувствие его не обмануло.

После чего наступила темнота.

Глава 5

Сокол опустился на большой валун, видневшийся у кромки леса. Взъерошив перья, он повертел головой и замер, изучая людей. Черные глаза хищника уставились прямо на Бегина. Тот ответил тем же, созерцая птицу. Сокол открыл изогнутый крючком острый клюв и издал хриплый крик, после чего резко взмыл вверх. Набирая высоту, он пронесся над полицейскими машинами, сделал широкую дугу и скрылся за верхушками деревьев.

– Один из наших оперов сейчас дежурит в больнице, – услышал Бегин голос Стасина. – Говорит, операцию сделали, состояние стабильное.

– Он в сознании?

– Нет. Как только Уколов придет в себя, и врачи разрешат с ним поговорить, наш человек сразу отзвонится.

Желтый хищный «ниссан», чем-то смахивающий на только что наблюдавшего за опергруппой крылатого зверя, стоял там же, где и замер ночью, изрешеченный пулями. Машина стритрейсеров, пострадавшая при столкновении, также была здесь. Остальные еще ночью, после приезда опергруппы, смогли выбраться на трассу вдоль покатой обочины.

На месте перестрелки – точнее, расстрела, потому что никто из стритрейсеров не успел сделать ни единого выстрела – опергруппа работала последние шесть часов. Пришлось опросить всех присутствующих, которых набралось почти 50 человек. Криминалисты в обочине трассы сняли отпечатки протектора от колес «шевроле», оставивших следы на участке земли у съезда на поляну.

Один из стритрейсеров, представившийся Сергеем Бобровым – это в его машину врезался удирающий от града пуль Федор – говорил с Рябцевым.

– Они специально нас из игры вывели. Пасли нас, сто процентов. Мы забились на этот пятачок, где только один выезд. После чего они подкатали, подождали, когда Укол начнет движение, и обстреляли его. И тем самым заблокировали путь на трассу всем остальным. Наши через полминуты уже выскочили на асфальт, а того «шевроле» и след простыл.

– И номер никто не разглядел?

– Как? Мы его только сбоку видели. Да и то в темноте, а они палили не переставая... Никто ничего не успел сообразить, как они свалили. Суки...

Высоко над поляной с характерным гулом пролетел вертолет. Он двигался на юго-восток. Это была уже вторая вертушка за последние десять минут, которую видел Бегин.

– Откуда вертолеты?

– Шеф привлек, – отозвался Стасин. – С главком связался и выбил. Они квадрат за квадратом прочесывают. Все проселочные дороги, все соседние поселки, все. Не могли же они сквозь землю провалиться. Пост ДПС через пять километров, но до поста «шевроле» уже не доехала. Значит, где-то свернула.

– Или развернулась и ушла в обратном направлении.

– Или так...

К Бегину подошел криминалист.

– Мы подключили видеорегиcтpатор к компьютеру, скачали файл. Есть картинка. Хотите посмотреть?

Бегин кивнул и направился за криминалистом. Они забрались в фургон, битком набитый оборудованием и аппаратурой – от прожекторов для работы опергруппы в ночное время суток до компьютера и мини-лаборатории, призванной проводить наименее сложные анализы непосредственно на месте.

– Вот, момент нападения.

На дисплее ноутбука возникла картинка. Машина Федора медленно ползла вперед. Через несколько секунд в кадре появилась «шевроле», застывшая метрах в пяти перед ним и перекрывшая выезд на трассу. Бегин сощурился, вглядываясь в темную запись на экране. Было видно, как зашевелился силуэт на переднем пассажирском сиденье. После чего загремели выстрелы. Каждый сопровождался вспышкой, чуть озарявшей стрелка. Первым же разнесло лобовое стекло, и картинка резко ухудшилась – уцелевшая часть лобового стекла, за которой находился видеорегистратор, покрылась трещинами. Сквозь них было видно, как картинка стала стремительно удаляться. Затем машину Федора развернуло почти на 90 градусов, в кадре возник капот автомобиля кого-то из стритрейсеров.

– Давай назад, – сказал Бегин. – И на первом же выстреле паузу нажми. На вспышке!

Криминалист промотал чуть назад. Включил воспроизведение, ткнул паузу – и просчитался. Выругавшись, в режиме паузы промотал назад несколько кадров – буквально десятую долю секунды. Остановился на вспышке. В свете мини-взрыва пороховых газов в стволе пистолета убийцы можно было разглядеть голову стрелка. На нем был капюшон, но регистратор сумел зафиксировать низ лица. Бегин увидел перекошенный от напряжения рот.

– Так, – бросил Бегин. – Запись на экспертизу. Из этого кадра постарайтесь выжать все, что можно. Увеличить, осветлить, что угодно. Нам нужно его лицо.

Криминалист без энтузиазма кивнул.

В фургон заглянул возбужденный Стасин.

– Третья вертушка нашла их! В лесу в пяти километрах от трассы, на дорожке на Косино!

Бегин и Рябцев сразу же выехали туда.

– По М-4 дошли до развязки, которая уходит на Каширку, – комментировал опер, давя педаль газа. Машина, ревя, стремительно неслась по дороге, который повторял ночной путь убийц из банды ДТА. – Нырнули направо. А через пару километров свернули к Косино.

– Что-то вроде того, – отозвался Бегин.

Чувствовал он себя паршиво. Ночь, в которую он планировал выспаться, Бегин напился в компании Рябцева, напился почти до скотского состояния. И практически ничего не помнил. Даже не имел понятия, как добрался до дома. А уже на рассвете его растолкал Рябцев, сообщив, что банда нанесла очередной удар. И сейчас Бегина терзало похмелье. Мозг находился в полудреме и работал словно на автопилоте. Несколько кружек крепкого кофе, проглоченных дома перед выездом, помогали первые полчаса, но сейчас действие кофеина давно закончилось. Бегин постоянно курил и страдал от обезвоживания, а еще хотел закрыть глаза – и отключиться от всего.

Рябцев, красные глаза которого также говорили о похмелье и недосыпе, выглядел при этом гораздо лучше. Управляя автомобилем, он несколько раз украдкой косился на Бегина, словно желая что-то сказать, но не решаясь.

– Ты поэтому не водишь?

– Что?

– Болячка эта твоя. Забыл, как называется. Поэтому машину не водишь?

– Я прохожу комиссию каждый месяц. До работы допускают. До управления транспортным средством – ни хрена. Лицемеры.

Рябцев помолчал.

– Ты кричал во сне.

– Я ничего не помню. Слава богу.

– Я все думаю об этой твоей истории... Ты потому бухаешь постоянно, да?

Бегин поморщился.

– Не говори так. Я просто пытаюсь уснуть. Если я не выпью, то засыпаю только под утро. А когда засыпаю, вижу кошмары. Один и тот же сон все эти годы. – Бегин вздохнул. –

Я не хочу об этом говорить, Володя. Если вчера я выпил лишка, и у меня развязался язык, это не значит, что теперь мы должны говорить только об этом.

– Да, понимаю, – смутился Рябцев. – Просто... Даже не знаю, как сказать... Хочется как-то помочь. Посоветовать что-нибудь, что ли.

– Никогда не нужно ничего советовать другим, – пробормотал Бегин, закрыв глаза и сразу же чувствуя, как его сознание уносится в далекие дали, проваливаясь в сон. – Людям бы в себе разобраться, а они вечно лезут к другим. Знаешь, говорят, что, когда люди раздают советы, они на самом деле говорят сами с собой.

– Никогда не слышал.

– На самом деле все еще хуже. Люди говорят сами с собой постоянно, не прерываясь ни на секунду. Вся наша жизнь – это один бессмысленный и тупой мысленный треп внутри нашей бестолковой черепной коробки...

Голос Бегина постепенно затихал, а затем он уронил голову на плечо. Рябцев нахмурился и сосредоточился на дороге, решив оставить следователя в покое хотя бы на оставшиеся до пункта назначения пять минут.

«Шевроле» была на крохотной полянке, спрятанной от посторонних глаз кронами высоких деревьев. Над участком посреди леса кружила вертушка, своим видом указывая направление стекающим на пяточок машинам. Когда Рябцев свернул с узкой проселочной дороги на полянку, здесь уже была машина оперов. В операх Рябцев узнал Волгина и Ткачука из отдела угонов. Судя по усталым лицам и бронежилетам поверх рубашек, они работали в составе скрытых патрульных групп на М-4.

Бегин, кряхтя, выбрался из машины. При виде «шевроле» он лишь нахмурился. Вместо в панике брошенной преступниками легковой машины Бегин увидел покореженный огнем черный остов. Выгорело все: шины, сиденья, панель приборов. Черный скелет, совсем недавно бывший автомобилем. Пламя было огромное – Бегин поднял глаза и увидел опаленные ветки деревьев, до которых от останков «шевроле» было добрых три-четыре метра.

– Сожгли подчистую, – прокомментировал угрюмо Ткачук, здороваясь за руку с Бегиним и Ткачуком.

– Облили чем-то?

– Да уж сто процентов облили. Канистры две бензина. Давно не видел, чтоб настолько выгорало все. Грамотно к делу подошли. Нам ничего не осталось.

Бегин обошел автомобиль. Повертев головой, нашел на земле обугленную палку. Бегин вооружился ею и, приблизившись к машине сзади, принялся ковырять над бампером. Пол слоем гари и сажи было невозможно разглядеть хоть что-то. Но теперь Бегин убедился, что регистрационных номеров на «шевроле» не было.

– Они сняли номера, – сказал Бегин. – Зачем?

– Чтоб нам жизнь медом не казалась, зачем еще, – буркнул Волгин.

– Вызывайте криминалистов. Машину, точнее, то, что от нее осталось, нужно отвезти в управление. Пусть делают что хотят, но нам нужен номер двигателя.

– Привет. – Ольга выглядела удивленной и обрадованной. – Ты как здесь? Ко мне заехал?

– К кому же еще.

– Соскучился?

Ольга кокетливо улыбнулась и шагнула к Рябцеву, чтобы поцеловать. Рябцев, чувствуя себя последним идиотом, быстро отшатнулся и взял Ольгу за локти, не пуская дальше.

– Подожди, Оль...

– Что? – она быстро изменилась в лице, по которому пробежали удивление, недоумение и гнев. – Что-то... Что не так?

Рябцев оставил Бегина около сожженного «шевроле», а сам отправился в магазин-закусочную Потапа, где за прилавком тянула лямку Ольга. Откладывать встречу он не мог. После откровений Бегина и собственных ночных раздумий Рябцев понял, что эти отношения уже сейчас резко усложнили его жизнь. Дальше будет только хуже. Остановиться нужно именно сейчас – пока не поздно.

Рябцев выдохнул, собираясь с духом.

– Моя жена. Она беременна.

– О.

Ольга произнесла лишь это. Но Рябцев увидел, как потускнел ее взгляд. В нем появилось то равнодушие и холод, которым она приветствовала обычных покупателей, тормознувших около закусочной, чтобы купить сигарет или сэндвич.

– Для меня это как снег на голову, – оправдывался Рябцев, чувствуя себя не в своей тарелке. По пути сюда Рябцев репетировал разговор, но в его голове все выглядело гораздо стройнее и последовательнее. Сейчас же он и слов не находил, чтобы объяснить Ольге ситуацию. – У нас все сложно с Викой, но... у меня будет ребенок. Понимаешь? Ребенок. Я не могу. Это неправильно.

– А без ребенка, значит, все правильно было?

– Оль... Ты мне очень нравишься. Да, это так. Я все время думаю о тебе. Но ребенок многое меняет. Надеюсь, ты понимаешь.

Ольга вздохнула. Задумчиво уставилась на трассу, по которой проносились редкие автомобили.

– Я понимаю.

– Прости.

– Ничего, – колебавшись, она добавила: – На самом деле, у меня ведь тоже есть кое-кто. Но это... не совсем те отношения, которые мне нужны. Была бы я молодой девчонкой – да, без вопросов. Но мне тридцать четыре.

– Кто? – нахмурился Рябцев против своей воли. – С кем ты? Потап? Ворон?

Вдруг Рябцев вспомнил слова Ольги про Воронцова. Она называла его Владом и говорила, что он хороший человек. «Не знаю, что бы я без него делала» – так, слово в слово, сказала Ольга. Рябцев почувствовал, что закипает.

– Ты с Вороном, да? Он тебе не просто так помогал все это время? С похоронами, с работой? Ты с ним спишь?

Ольга делано улыбнулась.

– А вот это, милый мой, теперь тебя никак не должно интересовать. Я в твою личную жизнь не лезу, права не качаю. Вот и ты будь добр не лезть в мою.

Рябцев смущенно кашлянул. Ольга была права, но слова сами вырвались у него из уст. Он не мог понять, как его школьная любовь могла сойтись с откровенным бандитом.

– Ладно, что ж, – сказала Ольга, пожав плечами. – Спасибо хоть, что смелости набрался и все сказал.

– Тебе спасибо, – пробормотал Рябцев. – Мне... мне было хорошо с тобой. Извини, что так вышло. И... ты это, звони, если что. Ну, мало ли.

В улыбке Ольги промелькнула грусть.

– Хорошо. И поздравляю тебя. Надеюсь, ты будешь хорошим отцом.

Все было и просто, и одновременно сложно. Поколебавшись, Рябцев поцеловал Ольгу в щеку. Провел ладонью по ее волосам. Да, он все решил и ни о чем не жалел, но в горле сам по себе появился противный комочек.

Он направился к машине, сел за руль. обернулся. Ольга уже скрылась в дверях магазина-закусочной.

– Б... дь, – вздохнул Рябцев. И, повинувшись секундному порыву, двинул что есть сил по панели справа от руля. Панель грохотнула, рука заныла. Бормоча проклятия в адрес неизвестно кого, Рябцев завел двигатель, развернулся на пятачке перед закуской и вырулил на трассу.

Через сотню метров во встречном внедорожнике внушительных размеров Рябцев узнал машину Потапа. Человек за рулем скосил на Рябцева угрюмый взгляд, а еще через мгновение внедорожник пронесся мимо.

Рябцев выдохнул, заставляя себя поверить, что укола ревности, только что вспыхнувшего у него в груди, не было. Он все сделал правильно. Теперь он чист перед Викой. А еще у них будет ребенок. Возможно, это именно то, что действительно поможет им начать с чистого листа – и смыть грехи, запятнавшие их отношения. Теперь – грехи взаимные.

Рябцев чувствовал себя опустошенным всю дорогу до родного Домодедова. Бегина, который должен был вернуться вместе с операми из отдела угонов, в кабинете еще не было. Рябцев снова направился вниз. Проходя по первому этажу, он бросил взгляд на дверь, ведущую в архивные помещения в подвале УВД. И вдруг, задумавшись, остановился – а затем и сам не заметил, как свернул в подвал.

История Бегина не давала ему покоя. И лишь сейчас Рябцев понял, почему.

В кабинете, служившем ему пристанищем последние три года, работала сотрудница архива по имени Лариса – полная черноволосая женщина в форме.

– О, какие люди! Рябцев, тебя никак назад выгнали?

– Пока нет, но я в процессе.

– На огонек зашел или чайку попить?

– Ларис, можно я вторую машину займу?

– А, так ты по делу, – сверкнула глазами Лариса. – Я уж думала, по мне соскучился.

– Еще как. По ночам вскрикиваю, твое имя кричу. Жена уже спать в гараж отправила. Говорит, признавайся, кто такая, иначе развод.

Лариса захихикала. Зная по опыту, что теперь о ней можно будет забыть на какое-то время, Рябцев уселся за второй компьютер. Как и первый, за которым Рябцев провел три года, этот имел доступы к материалам информационного центра и всем общим картотекам управления, кроме засекреченных оперативных баз.

Пальцы Рябцева быстро застучали по клавиатуре. Он искал материалы по нападению на Бегина. Они нашлись там, где Рябцев и ожидал – в архиве ГУВД Москвы. В справке стоял пункт, гласящий, что дело открыто. Следующий пункт краткой справки по делу привел Рябцева в замешательство. Подозреваемые установлены. Мало того, один из них прямо сейчас находился в федеральном розыске.

Второй почему-то не находился в числе разыскиваемых. Скопировав его имя в буфер обмена, Рябцев вставил его в графу поиска. Через минуту опер уже нашел карточку его личного дела. Фотография и основные вехи, а также ссылки на место хранения оригинального и полного досье на преступника. Глаза Рябцева пробежались по «трудовой биографии». Когда он наткнулся на последнюю строчку, то не поверил своим глазам.

– Твою мать, – невольно пробормотал он.

Откинувшись в кресле, Рябцев глубоко задумался. И было над чем.

Бегин жалел, что у него не было такой огромной кружки, как у Лопатина. Недосып последних суток сказывался на организме плачевно – сейчас больше, чем когда либо, Бегин

чувствовал себя ходячим мертвецом. Поэтому, добравшись наконец в УВД, первым делом он залил полный чайник. Первую кружку кофе Бегин просто проглотил, «заедая» сигаретой. В здании курить было нельзя, но весь угрозыск поголовно нарушал запреты, дымя в форточки – Бегин поступал так же. Тут же последовала вторая, в ходе поглощения которой следователь понял, что теперь он будет какое-то время в состоянии выполнять свои функции.

Протоколы с места расстрела Федора Уколова и с места обнаружения «шевроле» убийц были почти готовы. Бегин внес последние штрихи в документы, после чего позвонил операм и криминалистам и справился о ходе работы. Затем нужно было отчитаться перед Мальцевым, который как раз прибыл в УВД для очередного заседания штаба. И лишь когда все формальности были улажены, Бегин смог вернуться к делу, которое считал более важным, чем эта текучка. К изучению материалов убитого участкового Зубова.

А через час Бегин, наконец, нашел то, ради чего и затевалось все это. Это был чуть мятый листок бумаги с четко прорезанными линиями изгиба – ее неоднократно складывали вчетверо. В шапке были указаны имя и адрес автора документа, ниже – должность, фамилия и инициалы начальника УВД Домодедово Лопатина С. В. После заголовка «Жалоба» шли несколько абзацев. Аккуратный женский почерк. Бегин перечитал бумагу несколько раз. И позвонил Рябцеву.

Женщину звали Нина Ивановна Копылова.

– Жалобу написала женщина, которая живет на Текстильщиков, на участке Зубова, – поведал Бегин Рябцеву, когда они выехали из ворот управления. – Там стоит дата. Тринадцатое ноября прошлого года.

– Тринадцатое? За два дня до убийства Зубова?

– Вот именно.

– И что там?

– Подозрительные соседи.

– Ты серьезно? – проворчал Рябцев удивленно. Бегин чуть улыбнулся и ничего не ответил. Рябцев вздохнул. Оставшуюся часть пути они молчали. Лишь Рябцев иногда с опаской, оценивающе, задумчиво косился на Бегина. После прочитанного в базе данных он не мог относиться к следователю, как прежде. Но заговорить о том, что узнал, не мог тем более.

Копылова жила в доме неподалеку от единственной в этом районе Домодедово школе. Это было старое двухэтажное строение, выкрашенное розовой краской. Покосившиеся сараи и натканные в беспорядке гаражи. Беседка с лавочками. Полное отсутствие асфальта во дворе – путь от улицы к утопающему в деревьях дому была просто накатанной пыльной дорожкой. Машины жильцов стояли, где придется: под окнами, в тени деревьев, около сараев. С виду типичный сельский домик, каких на Текстильщиков, окраинной улице города, было немало.

Копылова оказалась сухой сморщенной старушкой лет 70—75. Бегин и Рябцев обнаружили ее на лавочке перед подъездом. Копылова наблюдала за кошкой, лакающей молоко из треснувшего блюда.

– Писала я Аркадию Васильевичу, писала, – закивала старушка. – Светлая ему память... Жалобу писала на этих.

– На кого?

– Да жильцы. В четвертой, на втором этаже. – Копылова указала морщинистым кривым пальцем на окна. – Подозрительные такие люди. У нас двор тихий, восемь квартир в доме всего, сами видите. А тут эти пришельцы обосновались странные.

– Что в них странного?

– Ой, да все. Приезжают на машинах ночью. Сумки какие-то затаскивают в квартиру. Галдят. Днем – тишина полная. А вечером и выползают. Зыркают так на всех, как будто мы им сто рублей должны. Неприятные люди. Позыркают и уезжают. Вечером. Кто ж по вечерам работает, а днем спит?

– Охранники, например.

– Да какие охранники, бог с тобой, золотая рыбка! – всплеснула Копылова руками. – У них рожи такие были, прости господи, что вот как раз для того, чтобы от таких охранять, охранников и придумали.

– Говорите, сумки носили? – вмешался Рябцев. – Может, торговцы? С рынка?

– Я пятьдесят лет на рынок хожу, – отрезала старушка. – И про рынок все знаю. Таких нет там. Другие они. Одеты так, знаете, модно, опрятно. И машины, машины у них разные были. То на одной приедут, потом глядь – уже на другой приехали. Где ж вы торгашей с базара видели, которые машины как носки меняют?

Бегин и Рябцев переглянулись.

– А участковый, Аркадий Васильевич, он приходил?

– А то как же! На следующий день и пришел. Я вам что скажу – Аркадий Васильевич, светлая ему память, участковый был что надо.

– От бога, – вернул Бегин.

– Вот-вот! На все сигналы от, так сказать, бдительных граждан реагировал сразу. Не то, что это ваш новый, прости-господи, ни рыба, ни мясо. Как ни придешь, у него на все один ответ – вас у меня сто мильёнов тысяч, а я один, так что в очередь. Вы уж извините, что я так, но это правда. Не то что Аркадий Васильевич, земля ему пухом.

– И что? Разговаривал он с вашими жильцами?

– Разговаривал! При мне это было. Ну, то есть я здесь сидела, ждала, когда Аркадий Васильевич выйдет. Не буду же я там прямо стоять, эти пришельцы кривые сразу же поймут, кто на них милиционера натравил, правильно?

– Вам хоть в разведку, – похвалил Копылову Рябцев. Та засмушалась, хихикнула, затеребила подол. – И что Аркадий Васильевич сказал?

– А, ну да. Вышел, сказал: «Разберемся». А если Аркадий Васильевич сказал, значит, так и будет! И ведь так и получилось, знаете. Эти подозрительные типы уже не следующий день манатки свои собрали – и поминай как звали, представляете? Вот это я понимаю, участковый, спугнул так спугнул, не то что этот ваш новый, ни рыба, ни мясо, прости-господи...

– Погодите, – нахмурился Бегин. – Вы написали жалобу тринадцатого ноября. Четырнадцатого Зубов пришел проверить сигнал. А на следующий день эти квартиранты исчезли. Правильно я понимаю?

– Так, а я вам чего говорю? Так и было.

– А вы об убийстве участкового вашего, Зубова, когда узнали?

– Ой, лучше и не вспоминайте, – покачала головой старушка. – Страсть какая, жуть просто, прости господи. Из газеты и узнала, не помню, когда, через несколько дней, наверное...

Бегин многозначительно покосился на Рябцева.

– Понятно. Нина Ивановна, а квартира эта, где ваши подозрительные лица проживали – чья она? Кто хозяин?

– Да Захар тогда хозяином был, дурачок, прости господи. О покойниках, конечно, нельзя плохо, но Захар был тушите свет, как говорится.

– О покойниках? – напрягся Рябцев. – Он умер?

– Захар алкаш был, – поведала, покосившись по сторонам и понизив голос, Копылова. – Пьющий, то есть, прости господи. И запойный пьющий. Пока Марина, мать его, жива была, тут куролесил. Дружки, пьянки, драки... Чего мы с ним только не насмотрелись. А как мать свою, Марину, значит, в могилу свел запоями своими, так кормить его некому стало. И пропал он отсюда. Квартиру сдавать начал, а на деньги эти пить. Где жил, кто его знает, но когда он появлялся, смотреть на него страшно было. Опустился, воняет, как бомж одевался... Дегранировал, значит, понимаете? Ну вот и допился, что вы думаете. Нашли его в Константиново. Говорят, в канаве какой-то. От перепоя и помер, прости господи.

– А квартира?

– А что квартира? Квартира сестре Марининой досталась. Не знаю, как зовут, Люда, кажется. Она ее продала и все. Сейчас там семья живет. Детишки у них такие хорошие! Мальчик скромный, а девочка маленькая совсем, не ходит еще. Как же их зовут-то...

– Нина Ивановна, – вмешался в поток сознания старушки Бегин. – А после того, как квартиранты те съехали, вы Захара видели? Можете вспомнить?

– А чего тут вспоминать? Если б появился, я бы ему все высказала, алкашу проклятому, прости господи. Проходимцев каких-то понавел, все равно кому квартиру сдавать, разве можно так? Не видела. Да он сразу же и помер. Его где-то через неделю и нашли в канаве. Я, знаете, что думаю? Съехали пришельцы эти кривые – и не заплатили ему. А денег на водку нет, правильно – раз не заплатили? Вот он сивухи-бормотухи какой-то купил дешевой, отравы, значит, – вот и отравился.

Бегин кивнул. Присел рядом.

– Нина Ивановна, а как выглядели те квартиранты, помните? Сколько их было?

– Да четверо, я же в жалобе написала. А вот как выглядели... У меня же это, глаза не молодые уже, понимаете. Да и прошло сколько, больше полгода. Помню, один амбал такой был. Вот прямо амбал, натуральный. Еще один... ага, невысокий такой, стрижка бобриком, или ежиком, или как это у вас, у молодежи, называется. Еще один небритый, заросший, бородатый... А четвертого что-то и не припомню. Да чего ж вы раньше не пришли? Полгода назад пришли – мы бы с вами их сразу, ух, разоблачили!

Они беседовали еще около получаса. После чего сердечно распрощались с бдительной старушкой и направились к машине Рябцева.

– Ну что? – шепнул Рябцев. – Это они?

Бегин уверенно кивнул.

– Даже не сомневаюсь. Здесь они спланировали свои первые убийства. Здесь родилась банда ДТА.

Глава 6

Технари из ЭКЦ сделали, что смогли. Фото стрелка из «шевроле» удалось увеличить, осветлить и сделать четче. С лежащей на столе перед Бегиным фотографии смотрел злобный тип лет 30, с крючкообразным носом. Капюшон закрывал его уши, линию роста волос и лоб, но лицо можно было опознать.

– Говорят, это все, что они смогли сделать, – сказал Рябцев.

– Уже что-то. Эта фотография у Лопатина уже есть?

– Само собой. Сейчас наши убойщики ищут эту рожу по всем базам. Параллельно ориентировку готовят, если уже не сделали. Объявляют в розыск.

– Решили брать быка за рога, – кивнул Бегин, продолжая смотреть на фото. – А ты сам внимательно смотрел? Лицо не знакомое?

– Да вроде нет. Думаешь, из Домодедово?

– Если полгода назад банда снимала квартиру в городе, в ста метрах от опорника, они могут быть здесь и сейчас, – отметил Бегин.

Рябцев промолчал. Щелкнул чайник. Рябцев залил горячую воду в заранее приготовленные кружки, после чего кивнул Бегину на дверь. Это был знак, что нужно поговорить. В кабинете дела больше не обсуждались. Оба взяли за кружки и вышли из кабинета. Рассохшиеся стулья стояли неподалеку от выходящего на улицу окна УВД. Рябцев предпочел усесться на стул. Бегин прислонился к простенку у окна, поставив горячую кружку на подоконник.

– Что с Захаром? – тихо спросил Бегин.

– Труп обнаружили 18 ноября. Через три дня после убийства Зубова – понял, да?

– Где?

– Как бабка и сказала, в Константиново. Точнее, на окраине поселка, на пути к кладбищу. Там часто местный сброд собирается и бухает. Его в канаве нашли. Сделали вскрытие. Оно показало, что смерть наступила вследствие отравления суррогатами алкоголя.

– Дело заводили?

– Кому нужен спившийся и опустившийся упырь, – покачал головой Рябцев. – Признаков насильственной смерти никто не обнаружил. Хотя мне кажется, их никто особо и не искал. Провели проверку и отправили материал в архив.

Бегин хмыкнул.

– Убивают участкового. В Домодедово это было ЧП номер один. На уши подняли всех. Через три дня находят труп алкаша, квартира которого была на участке Зубова. И никто не пытался сопоставить дважды два?

Рябцев нахмурился. В чем-то Бегин был прав, но в Рябцеве разыгралась профессиональная солидарность с коллегами.

– Так что ты думаешь обо всем этом? – буркнул он.

– Зубов проверял сигнал и наткнулся на банду. Они запаниковали. Сто процентов, что они уже к чему-то готовились. И из-за какого-то участкового дело было под угрозой срыва и даже провала. Вот они и решили его убрать. Потом смылись сами и замели следы. Может быть, пообещали Захару заплатить за жилье за несколько месяцев вперед. Неважно, это мелочи. Потом смешали водку с каким-нибудь стеклоочистителем и вливали ему в глотку, пока кони не двинул... А после этого залегли на дно. Все-таки убийство полицейского – это очень и очень серьезно. Им нужно было проверить, что им ничего не угрожает.

– Если бы им что-то угрожало, их человек в управлении шепнул бы сразу, – тихо сказал Рябцев. – Знать бы еще, кто он.

Бегин кивнул и закончил:

– В таком режиме ожидания банда находилась несколько месяцев. Пока не стало ясно, что за убийство Зубова их никто не ищет. И тогда они стали готовиться к убийствам на трассе.

В коридоре показался Головин. Энергично шагая, он двинулся к кабинету Бегина. Рябцев окликнул его. Подойдя, Головин сунул Бегину бумажку:

– Пробыли номер двигателя «шевроле». И прикиньте, машина в угоне не числится. Принадлежит пенсионеру из Бутово.

Пенсионера звали Иннокентий Климкин. Когда Бегин и Рябцев приехали к мужчине, у него были гости. Голоса, детский смех, топот ног.

– Дети пришли, дочь с мужем и внуками, – пояснил он, тревожно поглядывая на визитеров. – Чем обязан? Ко мне с роду полиция не приходила. И даже милиция не заходила.

– Где вы были сегодня ночью? – грозно прорычал Рябцев. – И кто может это подтвердить? Климкин онемел.

– А что случилось? Я... дома был.

– На ваше имя оформлен автомобиль «шевролле-лачетти», госномер а114ук, – сказал Бегин, сверяясь с блокнотом. – Это ваша машина, все правильно?

– Нет...

– То есть как нет?

По лицу Климкина пробежала рябь – он пытался понять, что происходит.

– Погодите. В машине дело? А что случилось? Я ее продал.

– Она оформлена на ваше имя, – повторил Бегин.

– Так я это... продал по доверенности. Машина-то у меня не самая новая была. Ходовая хорошая, а вот кузов гнилой весь. В подземном гараже она у меня стояла, а там течет все, капает... Всего за 90 тысяч продать пришлось, дорожке не брал никто. А тот парень сказал, что у него времени нет на оформление, а машина срочно нужна. Платил сразу. Да и я знаю, что многие так делают. В смысле, по доверенности продают. А что произошло-то вообще?

– Когда вы ее продали? Сколько времени прошло?

– Месяца полтора... Где-то полтора, да.

– Вы можете подтвердить, что продали машину?

– Конечно. Я ему доверенность написал, а он мне расписку. Сейчас, подождите.

Бормоча что-то под нос, Климкин скрылся за дверью. Рябцев вздохнул.

– Ты ж не думал, что все будет так просто, да?

Дверь осталась приоткрытой. Изнутри доносились голоса. Вот заговорил Климкин, его голос звучал встревоженно. Остальные голоса вторили ему в той же интонации. Захлопали дверцы шкафа. Потом где-то рядом послышался шорох ног, и из квартиры на визитеров выглянула девочка лет пяти в розовом платье.

– Ой. Это кто? Мама, это дяди?

Рябцев тут же подумал о Вике. Если у них будет дочь, то лет через пять точно такая же девчушка будет бегать по их квартире. Даже не верилось.

– Иди к маме. С чужими дядями говорить нельзя.

Девочка не уходила, вместо этого она просто уставилась на Бегина и смотрела, не отрываясь. Бегин постарался улыбнуться ребенку. Но эффект был обратным. Девочка словно что-то увидела – она вдруг скривилась и, громко плача, убежала вглубь квартиры.

Вернулся Климкин, шурша мятой бумажкой.

– Вот, еле нашел. Я от руки написал.

– Можно? – Бегин забрал бумагу и быстро пробежал текст глазами. В расписке было указано, что покупатель передает Климкину деньги в размере 90 тысяч в качестве покупки за автомобиль «шевроле». – Почему вы сами писали? Расписка ведь от имени покупателя. Почему не он писал?

– Я точно не помню уже... Вроде у него почерк плохой... Да какая разница?

– Покупатель Петров Алексей Иванович, – прочел Бегин. – Вы имя и паспортные данные с паспорта переписывали?

Климкин напряженно вспоминал. Давление визитеров и сама ситуация только выбивали из колеи и мешали ему сосредоточиться.

– Нет вроде. Он диктовал. Все быстро так получилось. Но паспорт у него был, конечно. Просто я, кажется, его не смотрел...

Рябцев вздохнул.

– Ну вы даёте. Как вы с ним встретились? С покупателем? По объявлению продавали или как?

– Зачем по объявлению. На авторынок поехал, встал и...

– На авторынок? – нахмурился Бегин. – На какой именно авторынок?

– Да тут рядом, в Чертаново. Слушайте, вы можете сказать, в чем дело-то?

Когда они спускались вниз и шли к машине Рябцева, Бегин лихорадочно соображал. Рябцев мрачно покачал головой и покосился на Бегина.

– Что думаешь обо всем этом?

– Авторынок в Чертаново, – сказал Бегин. Достав сигареты, он прикрыл пламя зажигалки от ветра и закурил. – Это территория Ворона.

– Вот и я об этом подумал. Сань, урод водит нас за нос. Пообещал помочь, а сам, сука, ведет двойную игру. – чем больше Рябцев говорил, тем сильнее распалялся. – Ворон контролирует четыре рынка. Его люди были связаны через Печатника со всей этой историей с анашой. Теперь новое совпадение: банда ДТА купила одну из своих машин по доверенности на рынке, который контролирует банда Ворона. Просто совпадение? Хрен бы там! Ублюдок решил нас поиметь.

Бегин опустил на крышку капота. Он напряженно думал, но никаких других идей, кроме только что озвученных Рябцевым, в голове не возникало. Все говорило о том, что Ворон, как первоначально Бегин и предполагал, связан с бандой. Но предчувствие, интуиция говорили о другом. Бегин вспомнил разговор с Вороном в его машине, когда Ворон сообщил ему имя Печатника. «Деньги не забереешь в могилу, – говорил тогда Ворон. – С годами почему-то начинаешь все чаще думать об этом». Чему верить, Бегин не знал.

– Черт...

Он достал телефон. Нашел в книжке 11-значный номер, записанный под лаконичным «Ворон». Нажал кнопку вызова. Секунд десять была полная тишина, после чего записанный голос оператора поведal: «Номер абонента недоступен или находится вне зоны действия сети. Пожалуйста, перезвоните позже».

– Номер отключен.

– Вот сука, – зло оскалился Рябцев. – Кинул нас, а потом и симку сбросил. Сань, я тебе серьезно говорю, этот старый м... к все берега попутал.

Бегин думал.

Вернувшись в управление, они поднялись в отдел угонов. Шахов, Головин и еще несколько оперов, которые принимали участие в недавней операции по отлову угонщиков, были на месте.

– Ситуация у нас следующая, – сказал Бегин. – Пока что банда ДТА наследила с машинами дважды. Первый раз это была черная «хендай». Ее угнали около строительного магазина на трассе М-4 «Дон». На том ее участке, который контролирует Ворон и его группировка. Теперь всплыла вторая машина. Ее банда купила на рынке в Чертаново, который также входит в сферу интересов Ворона. Это один из четырех рынков, где его бригады находят и угоняют машины.

– А на того мужика, который по доверенности купил тачку у этого пенсионера, – что на него есть? – подал голос Головин.

Бегин показал снимок стрелка, ночью открывшего огонь по Федору Уколову.

– Продавец «шевроле» указал на него.

– А имя?

– Петров Алексей Иванович? – язвительно хмыкнул Рябцев. – Хорошо, не Иванов Иван Иванович. Я пробил паспортные данные. Такого человека не существует. Кто бы мог подумать, правда?

– Типа остряк? – пробурчал Шахов, с неприязнью косясь на Рябцева. Опер подавил желание послать его подальше и промолчал.

– Пока что у меня есть две версии, – говорил Бегин. – Первая: наши угонщики действительно связаны с бандой ДТА. Или сам Ворон, или кто-то из его бригады. Вторая: банда подставляет Ворона.

– Ты серьезно сейчас? – изумился Рябцев.

– Это просто версия. Они купили машину на рынке, который входит в сферу влияния Ворона. И потом именно на этой машине совершили демонстративный расстрел стритрейсера на глазах полусотни свидетелей. Для чего? Тебе напомнить, что они несколько раз уже пытались пустить всех по ложному следу? Почему бы им не сделать это снова?

– По какому ложному следу? – нахмурился Головин. – Я ничего такого не знаю.

Рябцев отмахнулся. Бегин продолжал, обращаясь к операм отдела угонов:

– Но даже если Ворона подставляют, если он не при чем, факт остается фактом – они знают о существовании Ворона. А значит, что?

Шахов кивнул:

– И Ворон может знать об их существовании.

– Вот именно. Поэтому сейчас нам просто нужен Ворон. Что у нас на него есть?

– У нас есть Васин и Порошин, – сказал Головин. – Их уже перевели в СИЗО. Угоны на себя уже взяли, хотя сначала ломались, как целки. Если надавить на них посильнее, могут заговорить и по поводу всего остального. В СИЗО для этого инструментов побольше, чем в нашем обезьяннике.

– Согласен. Займешься этим?

– Не вопрос.

– У Ворона есть коттедж в Белых Столбах, – лениво произнес Шахов. – Можно там наружку выставить. Хотя если он поймет, что его ищут, хрен он там появится. У него наверняка есть запасные аэродромы, в том числе в Москве.

– Наружки не будет, – возразил Бегин. – Был бы я старшим следователем по делу, проблемы никакой не возникло бы. Но сейчас никто нам наружку не даст ради каких-то угонщиков.

Шахов вздохнул.

– Ясно все. Хорошо, мы своими силами наблюдение организуем. Если Ворон появится у себя, сразу свистнем.

Рябцев хотел сказать еще об одном месте, где теоретически мог появиться Ворон. Магазин-закусочная на трассе. Но он промолчал.

Когда они с Бегиним вышли в коридор, Рябцев тихо спросил:

– Ты им веришь? Ведь на банду может работать кто-то из них. В Головине я, например, уверен, а вот Шахов всегда пид... сом был. И с бывшим шефом какие-то дела крутил.

– Я никому не верю, – буркнул Бегин. – Но у нас что, есть выбор?

Глава 7

Когда на город опустился вечер, работали почти все.

Головин, Волгин и Ткачук из отдела угонов в СИЗО заседали на Васина и Порошина, пытаясь расколоть их на связь с бандой ДТА.

– Слушайте, я все взял на себя, признание подписал! – вопил Васин. – И что вы теперь, вообще меня конкретно в оборот решили брать? Навешать всего? Я ни о какой банде не знаю и не слышал никогда!

– Черная «хендай», – Ткачук бросил перед ним фотографию автомобиля. – Мы знаем, что его угнали вы. Ты в бригаде на основных ролях. Значит, ты сидел за рулем.

– Да не видел я никогда эту тачку!

Порошин был более конструктивен.

– Мы по корейцам почти не работали. Я ж рассказывал все уже раньше. Немцы, японцы, французы. Иногда американцы, самые ходовые, типа «фокуса». Корейцы в топку, запчасти на них и так дешевые, возни больше.

– Seriously? – иронично отозвался Головин. – Хочешь сказать, корейцев не угоняют?

– Угоняют, конечно. Но не мы. У всех своя эта, как ее – специализация.

– Ладно, идем дальше. Чувак, который убивает людей, купил «шевроле» на рынке в Чертаново. На том самом рынке, на котором ваша бригада орудует. Хотя рынков в Москве навалом. Опять совпадение? Только не говори, что да, или в рожу двину. Не люблю, когда меня за идиота держат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.